

УДК 82.01/.09 + 167.7 + 802
DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-193-219

**Между «сциллами» и «харибдами»,
или Попытка теории в эпоху исследовательских практик**

Д. И. Иванов¹, Д. Л. Лакербай²

¹ *Сианьский университет иностранных языков
Сиань, КНР*

² *Ивановский государственный университет
Иваново, Россия*

Аннотация

На примере авторского междисциплинарного теоретического комплекса рассматриваются современные стратегии научного моделирования в гуманитарных науках. Особое внимание уделяется таким вопросам, как принципы методологической рефлексии, проблемы междисциплинарности, характер и потенциал междисциплинарного моделирования в свете новых теоретических и методологических решений. В русле когнитивной гуманитарной семиотики предлагается гибкая теоретическая модель общего характера, составляющими которой являются взаимосвязанные термины «синтетический текст», «синтетическая языковая личность», «когнитивно-прагматическая программа», а полем действия – самые различные сферы гуманитарного знания.

Ключевые слова

междисциплинарность, моделирование, когнитивная гуманитарная семиотика, синтетический текст, синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа

© Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай, 2021

Для цитирования

Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Между «сциллами» и «харибдами», или Попытка теории в эпоху исследовательских практик // Критика и семиотика. 2021. № 1. С. 193–219. DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-193-219

Between “Scyllae” and “Charybdae”, or Theory’s Attempt in the Era of Research Practices

D. I. Ivanov¹, D. L. Lakerbai²

¹ Xian International Studies University
Xian, PRC

² Ivanovo State University
Ivanovo, Russian Federation

Abstract

The article studies modern strategies of scientific liberal arts modeling using the example of the author’s theoretical complex. Special attention is paid to the problems of methodological reflection and metadisciplinary modeling. The metadisciplinarity of the theory is its ability to meet the criteria of a metalanguage for individual disciplines.

The article discusses the author’s interrelated terms “synthetic text” (ST), “synthetic lingual personality” (SLP), “cognitive-pragmatic program” (CPP), applicable to the study of various areas of humanitarian knowledge. Modern cognitive science makes it possible to substantiate the possibility of incarnating a newly understood lingual personality in non-linguistic discursive zones. SLP appears as a semiotically understood “text of a subject in culture”. The structure of the artist’s lingual personality is determined by his basic cognitive-pragmatic program, conceptually indexing the entire space of ST. For example, exploring rock culture in this way, we get not a mechanical set of subtexts, but the possibility of a programmatic semiotic interpretation of the place and function of any significant ST element. And the notion of a CPP makes it possible to shift the emphasis from the discrepancy between the artist’s personality and any “legend” about her to those mechanisms of self-understanding that are responsible for the production of texts and the artist’s very personality. The theoretical complex ST / SLP / CPP also makes it possible to give a metadisciplinary description of the socio-cognitive and communicative foundations of interpretation, while the entire system “interpreter – text” becomes the object of discursive modeling.

Keywords

metadisciplinarity, modeling, cognitive humanitarian semiotics, synthetic text, synthetic lingual personality, cognitive-pragmatic program

For citation

Ivanov D. I., Lakerbai D. L. Between “Scyllae” and “Charybdae” or Theory’s Attempt in the Era of Research Practices. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 1, p. 193–219. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-1-193-219

О границах объекта исследования и критической рефлексии

Насколько продуктивно заниматься построением развернутых теоретических концепций во времена «радикальной демократизации и эмансипации объекта гуманитарного и социологического знания», в результате своего мультиплицирования приобретшего «новую сложность, которая уже не поддается методам универсального описания» [Сандомирская, 2019]? Думается, вопрос вовсе не риторический. «Новая сложность» – очевидный результат методологического плюрализма, пиршество которого, однако, не «дармовое»: платить приходится по многим счетам.

Наглядной иллюстрацией современного положения дел с ощущением природы научного объекта, его внутренних и внешних границ, может послужить Круглый стол «Искусствознание, визуальные исследования, культурная история: возможности диалога» (расшифровка стенограммы – [Мазур, 2019]). Проблематика «визуальных исследований» оказалась благодатной почвой для постановки этих вопросов в условиях, когда историографию воспринимают «как “мультикультуральное пространство с размытыми границами”, а нашу эпоху – как “время casual, а не борьбы за установление дисциплинарных рамок”» [Мазур, 2019, с. 19]. На наш взгляд, исходной точкой для выбора здесь является статус и порядок критической рефлексии: мы можем настаивать на несущественности границ – и тогда вольно или невольно «обнуляем» методологическую рефлексию, выводя из-под нее собственные основания; мы можем вспомнить о смысле тотальной рефлексии субъекта, объекта, метода, инструментов – и тогда *вольны теоретизировать, но не можем игнорировать* обнаруживаемые и культурно закрепленные *существенные* качества по всем этим позициям, и тогда проблема междисциплинарности – в частности – приобретает более «научный» вид. Трудно не согласиться с утверждением Н. Мазур: «Границы существуют, и чем лучше мы осознаем те правила, на основа-

нии которых они выстраивались, тем плодотворнее может быть диалог поверх границ» [Мазур, 2019, с. 11].

Однако от выхода дискуссии на круглом столе к собственно искусствоведческой проблематике вдруг повеяло почти гротеском. «Запрещенным» оказался вопрос о качестве (и вопрос художника относительно исследований – «помогают они нам понять природу той радости, которую испытывает зритель, сталкиваясь с великим произведением искусства?») [Там же, с. 19]). Фигура искусствоведа, который неспособен (или притворяется, что неспособен) испытывать эстетическое наслаждение от произведения искусства, но при этом честно признается, что предпочитает заниматься «хорошим» искусством – хотя (общее место дискуссии) вкус историчен, шедевры контекстуальны и т. п., – очень симптоматична. Инновационный пафос – и замаскированная «эпистемологическая неуверенность».

Приведем в этой связи мнение М. Неклюдовой: «В принципе для очень большого количества научных задач разница между шедевром и плохим искусством несущественна» (цит. по: [Мазур, 2019, с. 34]). Верно – но сама эта (всегда неполно теоретизируемая) разница для гуманитаристики фундаментальна: мы можем по различным соображениям и для различных надобностей – *в рамках универсальной логики «постмодерного культурного производства»* – представлять язык, культуру, искусство неиерархически, а художественное творчество и его результат мыслить исключительно в категориях «свободы», «сдвига», «инновации», «инновативного обмена», «интертекстуальности» и пр., – но никакого «устойчивого понимания» вне конституирующих иерархий не возникает, они все равно выстраиваются, «так» или «иначе» (к «иначе», как правило, больше вопросов, часть из которых снимается со временем и / или последующим «иначе»). Границы и иерархии не просто объективно существуют – они чрезвычайно *существенны*, ибо наиболее информативны; необходима лишь их постоянная рефлексия.

Из этой рефлексии возник научный проект «Когнитивная гуманитарная семиотика» (КГС): исследователь отечественной рок-культуры Д. И. Иванов, столкнувшись с явной гетерогенностью и полиморфностью объекта изучения, искал подходы к «синтетическому тексту» русского рока. Благодаря поддержке Гуандунского и Сианьского университетов (КНР), в итоге был создан метадисциплинарный теоретический комплекс [Иванов, Лакербай, 2020], возникший в смежном пространстве разнообразно пересекающихся дисциплин: литературоведения, философии языка, лингвистики, лингвокультурологии, семиотики культуры, социологии культуры, культу-

рологии в широком смысле слова. Термин «метадисциплинарный» предполагает, что авторы дают собственную трактовку многоуровневой проблемы междисциплинарности (интердисциплинарности). Представим логику этой трактовки.

От интер- к метадисциплинарности

Интердисциплинарность – неотъемлемая составляющая современного научного знания, но и эпистемологически проблемная зона, особенно в гуманитарных науках. «Междисциплинарные связи» – это разнотипные связи структур знания, а не дисциплин, отсюда и вариации – «полидисциплинарность», «наддисциплинарность», «трандисциплинарность». В научно-дисциплинарном поле одновременно идут процессы складывания дисциплин (оформления их когнитивных моделей и институциональных структур), их дробления и пр.; структуру же «постнеклассического» знания составляют не столько дисциплины, сколько «предметные поля» (история ментальностей, история повседневности, интеллектуальная история и др.). Не существует универсального принципа «правильной» междисциплинарности, только «взаимоподгонка». Показателен для характеристики «состояния умов» и вопрос, тенденциозный уже в своей постановке: «Что происходит с методами, когда теории одной дисциплины заимствуются и применяются в другой? Поясню сразу, что под методами имеются в виду именно методы, т. е. приемы, способы анализа, а не “методология”, специфически российское понятие, унаследованное от эпохи доминирования марксистского подхода...» [Савельева, 2014, с. 67]. Вряд ли «методологию» можно «выбросить за борт» вместе с «марксистским подходом» (как и сам «подход», в отличие от «догматики»): иерархическая структура знания не сводится к «догматике», но представляет собой логически последовательную его организацию (методы, понимаемые как приемы, не берутся из воздуха) – нельзя просто удалить звено без последствий.

Все эти процессы имеют прямое отношение к широкомасштабной проблеме корректного научного моделирования в гуманитаристике. Снова возникает и дискутируется эффект столкновения «сциентистского» и «гуманитарного» – так было в эпоху структурализма, так происходит сейчас с когнитивными науками, методы которых ассоциируются скорее с «номо-тетическим» познанием, что вызывает дискуссии о сути интердисциплинарности [Bruhn, 2011].

На наш взгляд, нелинейности процессов, связанных с изменением конфигураций научного знания, должны соответствовать и теории нового ти-

па, способные работать в *метадисциплинарности*, т. е. соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин, но при этом не впадать в грех универсализма, когда теория абстрагирует тем сильнее, чем к большему количеству разнородных объектов она применяется. Важен иной эпистемологический статус моделей в гуманитарных / общественных науках по сравнению с естественнонаучной сферой, а именно: ограниченность «строгого» моделирования, необходимость использовать «правдоподобные предположения»; необходимость «эмпирической валидации» более, чем теоретической; отсутствие хорошо подтвержденных, мощных фоновых теорий для опоры; осознание этого иного эпистемологического статуса как условия применения моделей [Arnold, 2010]. «Аппроксимативность» гуманитарного моделирования неизбежна, но само оно эвристично (при учете характера результатов) в силу необходимости контекстуализации и рефлексивной позиции и лучше проясняет когнитивные аспекты [Чеботарева, 2014, с. 80].

В гуманитарном знании *изначально* есть органичный общий план, определяющий саму его специфику, – *текст*, двуединый в своей соотносительности и с языковой системой, и с субъектностью / ситуативностью. Этот общий план легко представим, стоит нам акцентировать привычные связи, например, литературоведения и истории: разве первое мыслимо без *историзации* своих нарративов, будь то курс литературы или путь научной школы? Разве историк просто излагает «факты», а не *сочиняет* «истории» (здесь мы можем указать и на производность понятия «факт» как «ментальной оболочки события» (см.: [Зализняк, 1990]), и на неустранимую «литературность», «риторичность» самого письменного исторического дискурса)?

Гуманитарное моделирование метадисциплинарного типа изначально опирается на «человекообразное» знание, и в этом смысле мощное «когнитивное движение» очень показательно. Когда Марк Тёрнер утверждает, что в основе «литературного воображения» лежат изощренные (и далеко не всегда полностью осознанные) операции «повседневного ума», он, по сути, идет «от ветвей к дереву» («Although literary texts may be special, the instruments of thought used to invent and interpret them are basic to everyday thought» [Turner, 1996, p. 7]). Мы можем видеть это «дерево» с совершенно разных сторон, но, чтобы строить релевантные модели общего характера, для начала нужно его *видеть*, т. е. наблюдать мысленным взором, полагая в нем прочную и естественную основу моделирования.

Искомая метадисциплинарная теория и должна увидеть организацию «общего в различном и различного в общем», не привнести извне, но открыть потенциал универсализации в разнородных родственных объектах – как их собственный неотчуждаемый план, их собственную эссенциальную характеристику, их собственное «отношение к корням». По сравнению с «харибдой» универсальной (условно «внешней» по отношению к объектам) теории метадисциплинарная теория должна быть более осторожной (рефлексия диапазона применимости и эвристичности, близость к вероятностному интерпретативному типу с целью увеличения возможностей корректной научной дескрипции), но иметь более глубокий объяснительный потенциал; по сравнению с многоглавой и коварной «сциллой» интердисциплинарности – предлагать относительно строгую работающую модель, способную продуктивно связать методологические принципы и техники анализа именно через их теоретически осмысленное «родство». Иными словами, метадисциплинарность – не «отмена», а теоретическое, методологическое, модельно-практическое развитие интердисциплинарности.

Модельный потенциал новых отраслей гуманитарного знания основан на неустранимой кросс-граничности *внутри* «сверхобъекта» – языка. Так, со времен классического определения Дж. Лакоффа [Lakoff, 1990, p. 40] многолика когнитивная лингвистика мыслится как единство обобщающего принципа и принципа «согласования» данных о языке из совершенно различных научных областей. При этом закономерна семиотизация когнитивных исследований гуманитарной сферы: семиотика обеспечивает интердисциплинарную точку зрения по самой своей сути (“semiotics thematizes the study of what every other discipline had (perforce) taken for granted – semiosis” [Trifonas, 2015, p. 1]; “the power of semiotics as meta-perspective or interdisciplinary science results from its ability to conceptualize meaning and value” [Neuman, 2015, p. 125]).

Многоплановое развитие самой семиотики было ознаменовано и многочисленными проблемами и издержками, в том числе и относительно моделей познания и описания¹. Однако важно, что в качестве «языка»

¹ См., например, характерное признание о «несводимости» семиотики А. Греймаса и семиотики У. Эко: “Contemporary semiotics has two faces. The first is that of a “scientific” subject, interested in universal forms of narration and above all in a precise set of concepts that should prescribe and therefore guarantee the research results.

и «текста» функционирует любой значимый культурный объект; сама же культура предстает не просто как совокупность или система дешифруемых артефактов, но как процесс и результат социокультурного семиозиса. Поэтому в попытке утвердить особый статус когнитивных исследований в гуманитаристике, новый их этап, с установкой на преодоление «физикализма», нередко характеризуют как семиотический, вплоть до постулирования плюралистичной «когнитивной семиотики», близкой «когнитивной семантике» и мыслимой как постепенное интегрирование гуманитарной и естественнонаучной методологии. В варианте Cogsem оно лишено каких-либо принципиальных концептуальных новаций, эмпирично и поэтому выглядит более-менее удачным паллиативом «метадисциплинарности». Внутреннюю противоречивость направления косвенно вынужден констатировать и один из его «апологетов»:

More recently, cognitive semanticists have employed an increasing batch of “hard” empirical methods such as neuroscience and corpus linguistics, leading to tensions with qualitative methods based on the use of intuition and introspection... Still, given that the cognitive semantics tradition has always emphasized the richness and variety of human experience – bodily, social, and cultural – it has been possible to avoid reductionistic pitfalls, and to combine various methods in pluralistic frameworks <...> At least the following three theoretical concepts have enjoyed considerable influence, inviting various elaborations and extensions: image schemas, conceptual metaphors, and construal processes [Zlatev, 2015, p. 1045].

Эти “elaborations and extensions” не снимают методологических проблем, и в итоге успех моделирования в основном зависит от характера задач, что хорошо видно на примере когнитивного литературоведения. На первый план в нем выходят категоризация и концептуализация мира в сознании писателя и читателя; из когнитивистики и нейронауки берутся (или создаются в этих рамках) опорные термины («идеализированная когнитивная модель» Дж. Лакоффа, «схема», «концептуальная интеграция» М. Тёрнера и Ж. Фоконье, «сеть пассивного режима работы мозга» и др.). Когнитивисты переворачивают соотношение языка и мышления, отчего текст *в принципе* перестает быть привилегированным объектом. По сути, получается «интердисциплинарность без берегов», относительная точность результатов которой достигается *локализацией задачи по методу*,

The second face is that of a “literary” or “philosophical” discipline, looking for the richness of meaning, for the swerve and complexity of interpretation” [Trifonas, 2015, p. 17].

явно трансформирующему объект. Имеющийся метадисциплинарный потенциал – значимость когнитивного плана для разных видов деятельности – в основном используется для характеристики самой «универсальной» когниции, а не специфики этих видов (так структуралист всюду ищет «неявные структуры»), а мифопоэтика везде находит мифы и архетипы). Не случайно уникальный культурный объект в когнитивистике явно или неявно воспринимается больше как информант, нежели как цель, больше как интересный материал («пример») для решения методологической задачи («Literary examples of blending are often the most striking and memorable. They are also often the most challenging to analyze» [Turner, 2002, p. 14]). Преобладание универсально-методологического принципа над культурным «текстом» (будь то произведение или «текст» самого художника в культуре) роковым образом снижает статус данного текста до “specific example”.

От ЯЛ (языковая личность) к СЯЛ (синтетическая языковая личность)

А между тем существует принципиальная возможность сопряжения когнитивного подхода с «идеографией» культурного объекта. Реализация этой возможности оказалась связана с трансформацией, казалось бы, уже «локализованного» в лингвокультурологии понятия «языковая личность», в авторитетной трактовке Ю. Н. Караулова означающего «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурной сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью» [1987, с. 245]. Кратко охарактеризуем суть трансформации концепции ЯЛ в рамках КГС, проведенной с целью избавить понятие ЯЛ от лингвистической «узости».

Д. И. Ивановым была создана оригинальная система, характеризующаяся единством трех ключевых понятий: СТ (*синтетический текст*) – СЯЛ (*синтетическая языковая личность*) – КПП (*когнитивно-прагматическая программа*). Современная когнитивистика позволяет изначально развести когнитивное и языковое; соответственно *личностное* культуротворчество способно «продолжать» себя за пределы вербальности, и возникает *принципиальная возможность* воплощения по-новому понимаемой ЯЛ в нелингвистических дискурсивных зонах (музыкальных, имиджевых, артикуляционных и др.). База такого понимания – антропоцентрическое измерение языка в единстве семиотического, когнитивного, дискурсивно-

го. Как семиотически понимаемый *текст субъекта в культуре* СЯЛ является экстраполяцией на культуру глубоко взаимосвязанных терминов «языковая личность» и «текст».

Так, традиционное «филологическое» или, напротив, музыковедческое прочтение феномена русского рока явно искажало «пограничный» объект, представляющий собой СТ – текст с четкой внешней маркировкой своей гетерогенности и процессуальности, результат смешанного семиозиса. СТ (в рок-культуре – композиция, альбом, концертное выступление, «текст судьбы») реализуется из своих субтекстов в исполнении, интерпретируется в диалоговом режиме (субъект-источник – субъект-интерпретатор). Субъект-интерпретатор должен моделироваться в его составе, однако «филологически» или в рамках внешнего, субтекстуального, порядка это сделать невозможно. Семиотическое понимание СТ позволяет рассматривать различные субтексты как произведения определенного «языка»; лингвокультурология дает возможность постулировать решающую роль *единой* языковой личности художника как внутренней структуры внешне «разноязыкого» произведения. Процессуальность СТ в роке выводит проблемы семиозиса СТ и языковой личности творца СТ в план дискурсивности.

Традиционная модель ЯЛ не адаптирована к СТ (модельно не представлены субъект-интерпретатор и невербальные субтексты). СЯЛ – частная когнитивно-прагматическая дискурсивная единица, выделенная в структуре дискурсивной личности по конкретной зоне формирования и функционирования. СЯЛ обладает особой внешней (компонентной на основе субтекстов) и внутренней (уровневой) структурой и набором ключевых компетенций. Устойчивая внутренняя структура СЯЛ включает три уровня: а) лингвoseмиотический (комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста); б) когнитивно-прагматический (система концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам СТ и, соответственно, по компонентам внешней структуры; в) ассоциативно-интерпретационный (воспринимающий субъект является конститутивным компонентом СЯЛ). «Вокруг» СЯЛ формируется СТ: СЯЛ структурно и семантически организует входящие в СТ субтексты как свои компоненты («горизонтальная» развертка СЯЛ, в отличие от ее «вертикальной» поуровневой структуры).

Структура языковой личности художника определяется его базовой когнитивно-прагматической программой (КПП ЯЛ / СЯЛ), концептуально индексирующей всё пространство СТ и задающей аналитико-интерпретационный / реинтерпретационный векторы (систему объективных / аффек-

тивных проекций) его восприятия (зона активности субъекта-интерпретатора) и самовосприятия (зона активности субъекта-источника). Мы наблюдаем и исследуем не механический набор субтекстов, но генетическое сращение и динамическое взаимодействие вербального, музыкального, артикуляционного и имиджевого компонентов СЯЛ, что дает возможность программной семиотической интерпретации места и функции любого программно значимого элемента СТ. Так, анализ обложек альбомов группы «Алиса» показал, что они не только визуализируют те или иные аспекты общей (героико-романтической исходно – и в то же время амбивалентной, красно-черной) КПП СЯЛ К. Кинчева, но и отражают качественные особенности ее трансформации и эволюции. Например, на обложке альбома «Шестой лесничий» изображена эсхатологическая ситуация: «грязевое, зловонное месиво» поглощает, «засасывает» Шестого лесничего. На обложке же альбома «Черная метка» реализуется начало новой трансформации общей КПП. К. Кинчев расширяет ее, актуализируя «светлые» инкарнации своей СЯЛ (шут, дурак, юродивый). Одновременно он пытается провести своеобразный обряд инициации, духовного очищения, направленный не на нейтрализацию базовых инкарнаций (герой и шаман), а на их семантическое усложнение путем синтеза, объединения с условно «новыми» «светлыми» инкарнациями. В результате формируется общая формула КПП Кинчева, позднее вербализованная в композиции «Инок, воин и шут». Сквозная семиотизация оказывается возможной не только благодаря новой модели языковой личности, но и по причине «двуединства» самого семиокультурного взгляда, способного структурировать «тотальность объекта» для того, чтобы тут же показать его «фрагментарность» на пересечении с «тотальностью» другого порядка в круговом движении постижения семиосферы как пространства смысла внутри дискурсивных практик². Задача метадисциплинарного моделирования в рамках КГС –

² См., например: "...we would never understand the meaning of a fragment of pottery (and probably we would not even recognize it as "fragment" and as "pottery"), if we were unable to imagine and perceive the pot and the moments of the everyday life and the civilization it was a part of. Yet at the same time, our imagination of the whole has to be rooted in that fragment of pottery. It has to depart from that semiotic formation to possibly develop itself in the best and most correct way. It is only through this circular movement, one that, in real cultural life, always involves and crosses various semiotic formations, that we define and individuate meaningful cultural series and configurations" [Sedda, 2015, p. 681–682].

это воссоздание программной логики «смыслового ансамбля» живого, изменчивого, противоречивого культурного феномена.

Результаты применения теории СЯЛ методологически оказались намного шире исходного объекта анализа (рок-культуры). Нестандартны многие дискурсивные ситуации в литературном творчестве; «синтетичны» художники-мифотворцы и авангардная традиция как таковая. В целом же литературоведческая проекция СЯЛ позволяет дать «глубинное» (когнитивно-дискурсивное), а не внешнее описание многих процессов социокультурного «поля литературы» и – углубленная до анализа авторской КПП – результатной (воплощенной в синтетическом тексте) стратегии автора-творца, фактически «основного закона» его творческого (жизнетворческого) пути.

Особенно важна в этом плане принципиальная возможность «обоюдостороннего» анализа *текста субъекта* в культуре – и как *типичного*, и как семиотически значимого *индивидуального*, причем по единым правилам (вариативность связана со свойствами «материала»). Специфическая уровневая структура СЯЛ позволяет моделировать гетерогенный по зонам дискурсивности (например, вербальный и поведенческий одновременно) культурно значимый «текст субъекта» именно как индивидуальный – *неповторимо-уникальный* в качестве *собственного* текста, но *усваиваемый* реципиентом на ассоциативно-интерпретационном уровне в качестве *интерпретируемой модели* (система *субъект-источник – субъект-интерпретатор*). Такое моделирование возможно потому, что основные его параметры задает КПП СЯЛ субъекта-источника – своего рода «позвоночник» СЯЛ.

КПП и «текст субъекта» в культуре

КПП – многообразно (от прямой идеологичности до изоциренного формотворчества) проявленная «авторская воля» художника и одновременно – моделируемый им «проект» собственной судьбы. В силу синтетической природы КПП этот проект определяется не только субъектом-источником, но и людьми, которые в той или иной степени участвуют в жизни человека. Соответственно понятие КПП позволяет по-новому взглянуть на распространенные в науке вариативные конструкты типа «биографический миф», «автобиографический миф», «текст жизни», «текст судьбы» и т. п.

К примеру, предпринятая Б. Дубиным в его известной работе «Биография, репутация, анкета» [2001] проблематизация «биографического», направленная на рефлексию относительности биографических моделей

в культуре и на невозможность «прямого», «полного» воплощения субъективности в биографии, – точная фиксация неоднозначности процессов, идущих в обширной *зоне контакта субъектности и социокультурных норм*. Однако тем и перспективно «когнитивное моделирование творческой судьбы» в нашем варианте, что оно не «предписывает» субъекту ту или иную готовую или «завершенную» социокультурную модель. Напротив: в поле зрения здесь вся *зона контакта*; моделирование опирается как на «программирующие импульсы» самого творческого субъекта, так и на «ответы среды», корректирующие самопонимание и самопрограммирование субъекта. Основанием для такого моделирования является сама направленная реализация целеполагания, без чего не будет настоящего творческого результата, культурного продукта, а значит, и предмета разговора.

Метафорический и «окказиональный» термин «текст судьбы» в аспекте теории КПП получает новое семиотическое обоснование. Для филолога это «автобиографическая легенда (миф)», т. е. «исходная сюжетная модель, получившая в сознании поэта онтологический статус» [Магомедова, 2013, с. 12]. Б. Дубин настаивает на многообразном несоответствии любой «биографической легенды» и конкретной личности. Но ведь для художника важно совсем не это. «Соответствие» не дано статически и не достигается буквально – однако оно планируется, мыслится наперед и не достигается (с изменениями) ретроспективно как «нераздельность и неслиянность» целенаправленного творческого усилия, *двуединого «производства» художественного текста и личности самого художника*. «Соответствие» существует не в неуловимом настоящем, а в рефлексии прошлого и в проекте будущего. Понятие КПП позволяет перенести акцент с бесспорного несовпадения личности и любой «легенды» о ней, с условности «онтологической сюжетной модели», представляющей собой уже проекцию «знания о себе» вовне, на те механизмы «знания о себе», которые ответственны за производство текстов / личности. КПП в этом смысле – единая «производственная программа» личности / текста, считываемая с тех же разнотипных данных «жизни и творчества», что и более традиционные модели, но считываемая и устроенная иначе – как «глубинный производственный проект» *личность ↔ текст*, имеющий непреходящую (до возможной «смены программы») актуальность для самого автора и обозримый через стадиальность, трансформации и др. процессуальность в прошлом (*сделанное* в свете КПП) или будущем (*планируемое* в свете КПП).

«Автобиографический миф» в этом плане предстает как *вариативная реализованно-овнешненная оболочка КПП*, а) располагающаяся в *зоне кон-*

такта субъектности и социокультурных норм; б) получившая в этой зоне культурный статус; в) могущая быть как закрепляемой, так и разрушаемой с течением времени. Сама же КПП может совпадать (Блок) или не совпадать (Бродский) с «мифом» / «легендой» по внешней форме, но имеет собственные законы развития и функционирования. «Легенда» – контекстообразующий посредник между художественной реальностью и событиями жизни автора, по сути, «программная биография», имеющая авторский, критико-читательский или «смешанный» генезис («авторизованный» или «неавторизованный»). На пути воплощения от КПП (*комплексного «механизма» саморазвития творческой личности*) к «легенде» (*метаописанию ее пути в культуре*) может произойти что угодно. Например, модернисты крестьянского происхождения (но книжной культуры) Н. Клюев и С. Есенин могли выдавать себя один за крестьянина-сектанта, другой за самоучку, «рязанского парня» «от сохи», при этом изощренно оперируя фольклором и выборочно мистифицируя факты (см.: [Лекманов, Свердлов, 2011]), а «онтологический романтик» и байронический лирик-индивидуалист И. Бродский сумел художественно убедить широкую общественность в своем «антиромантизме»³. Конечно, КПП и «легенда» взаимосвязаны, но связь эта нелинейна. В первом случае мы имеем «меседж художника для самого себя», во втором – преимущественно «для других», что не исключает совпадения, как в случае с поэтом «бесстрашной искренности» Александром Блоком (художник сам «позаботился» о том, чтобы о внутренних закономерностях творческого пути и внешних формах его авторепрезентации можно было говорить на основании одних и тех же моделей – именно таков единый «мистериальный сюжет» блоковской «трилогии во плоть», его автобиографического мифа, его КПП).

Но гораздо чаще «механизм саморазвития» и «метаописание» / «автометаописание» соотносимы сложнее. Замечательный пример «фазового» несовпадения КПП и «легенды» – (жизне)творческий путь рок-поэта К. Кин-

³ Демонстративная «антиромантичность» Бродского – это метапоэтическая характеристика творческого «меседжа», включающая рефлексию поэта над собственным юношеским романтизмом, кристаллизацию аналитического начала, метафизику, иронию, enjambement, «самоотстраненность» героя и тона лирики и т. п. Мы же говорим о ярко выраженной романтико-модернистской типологии Бродского-художника (романтико-модернистской метанарративной КПП), в том числе проявляющейся – порой до эмблематичности – во множестве «хрестоматийных» текстов («Осенний крик ястреба», «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» и др.).

чева (группа «Алиса») в конце 1980-х – 1990-е гг. Ведущие установки КПП ясно свидетельствуют о кризисном типе сознания, о «неустроенности» на уровне глобального целеполагания и самоидентификации, постепенной «христианизации» помыслов – в то время как основные репрезентирующие «лики-личины» транслируют иные значения.

Логика развития романтического художника, с его острым переживанием ценностного аспекта бытия, предполагает рано или поздно выход к «божественной» и / или «диабольской» «инстанции» как высшему воплощению его собственной внутренней борьбы. Для рок-поэта, чье искусство неотделимо от «сцены», эта коллизия закономерно превращается в разыгрываемое «для себя и для всех» драматическое представление, в котором, однако, «играется всерьез». Жизнетворческая «романтическая сцена» исходно роднит Кинчева с самопрезентацией художников Серебряного века («...одно из самых любимых его стихотворений – “Крест” Гумилева» [Барановская, 1993, с. 79]). Цена такой «романтической матрицы» (метанарративной КПП) – не ее «литературность», а ее место в конкретном житнетворческом поиске. Радикальный выразитель «героической» рок-эпохи 1980-х, К. Кинчев «заостряет» эту метанарративную КПП до предела (см.: «Богоискатель? Богоборец? “Глазами в облака да в трясины ногой”») [Там же, с. 80]).

В КПП Кинчева ведущую роль играет синтез двух начал: а) конструктивного – возрождение русской национальной идеи и «потерянных» духовных идеалов; б) деструктивного – разрушение тоталитарной машины подавления личности. Важно, что второе для генератора КПП – лучший путь осуществления первого. Визуализируя эту двойственность («Красное на черном»), Кинчев долго не может окончательно признать, что его «героическая» модель КПП есть опыт саморазрушительного бунта.

Взывая к «Духу огня / Хранителю хоровода рук», рок-поэт особое внимание обращает на сам «квазирелигиозный механизм» воздействия лидера на массы: «Он проходит сквозь нас, подчиняя нас себе, / Возможно, в этом его помощь тебе и мне, / Ведь он стоит тверже, а стало быть, прав, / Но всегда ли тот прав, у кого больше прав? / Как ни странно, этот вопрос / Занимает меня всерьез. / Я слегка озадачен, немного смущен, / Но сейчас его время, и игру ведет он. / Атеист-твист» [Кинчев, 2002, с. 9]. Налицо а) демоническая проекция личности поэта; б) сомнения, самообман, претензия на «пророческое» и «божественное». В рамках этой деструктивной модели целостность самоидентификационной стратегии К. Кинчева разрушается, поскольку в его сознании одновременно формируется множест-

во иллюзорно-симулятивных проекций «сущностного я» («воинствующий атеист», «Бог», «Дьявол – Демон – Антихрист», «Пророк», «Кукловод – Мегазвезда», «Культовый герой»). Процесс самоидентификации личности превращается в прохождение через ту или иную симулятивную копию, и рок-герой оказывается в парадоксальном круге: «Мне нужен воздух... / Черно-красный мой цвет, / Но он выбран, увы, не мной. / Кто-то очень похожий на стены / Давит меня собой. / Я продолжаю петь / Чьи-то слова, / Но всё же кто играет мной?» («Воздух») [Барановская, 1993, с. 98]. Неизменный призывно-суггестивный рефрен «Мы вместе!» на концертах параллелен внутренней дисгармонизации целостности «сущностного я» К. Кинчева: «Я сам по себе не знаю, какой я человек... Если бы я мог в себе разобраться... Я не могу в себе разобраться. Во мне постоянно идет война»⁴.

Кинчев одновременно осознает, что любое уподобление себя Богу, воплощенное в сознательном конструировании «квазирелигии» с собой во главе, – это разрушительный самообман: «Когда человек сравнивает себя с Богом, его сознанием полностью завладевает дьявол рогатый...»⁵, – и понимает, что осознание данного факта в рамках контркультурной деструктивно-героической версии КПП условно, так как противоречит поступкам: на вопрос ведущего относительно необходимости «армии алисоманов» и своей газеты Кинчев отвечает, что ему «так весело», это «его приколы», а «те, кто считают себя “алисоманами”, они посвящены в ритуал, они избранные <...> Я получаю от этого огромный кайф...»⁶.

Претензия кинчевской КПП на универсальный статус подрывается, однако, некорректной самоидентификацией – ведь, называя себя пророком, рок-поэт для себя им не является: «Я не знаю пути к “светлому будущему”... Я сам бреду наугад...»⁷. «Культовая» квазирелигиозная самоидентификация ложна и превращается в неустойчивую систему симулятивных «копий» от «пророка» до «кукловода». Несоответствие блокирует конструктивные энергетические импульсы духа, что закономерно приводит

⁴ Кинчев К. Концерт-интервью (видеверсия), 1988. URL: www.youtube.com/watch?v=sJfyXLBHoPM (дата обращения 23.10.2020).

⁵ Кинчев К. Интервью после концерта в Тольятти. 1996. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fxsxxEWMhTI> (дата обращения 29.09.2020).

⁶ Кинчев К. Передача «Рок-урок». 1995. URL: www.youtube.com/watch?v=PxnblYSzm6o (дата обращения 06.06.2020).

⁷ Там же.

к разрушению «героической» версии КПП. Поэтому в рассматриваемый период (рубеж 1980–1990 гг.) «легенда» нам говорит одно (на концерте, в популярном телешоу), а КПП (исследователю) – уже другое. Для того чтобы «духом преодолеть душу», К. Кинчев вынужден будет перестраивать свою программу.

Дискурсивное моделирование интерпретации

Теоретический комплекс СТ / СЯЛ / КПП позволяет задать дискурсивное моделирование интерпретации, т. е. дать метадисциплинарную характеристику ее социально-когнитивных и коммуникативных оснований, установить внешние закономерности «герменевтических» процедур; объектом дискурсивного моделирования является вся система *интерпретатор – текст*.

Интерпретация текста (в широком смысле) имеет когнитивную природу, причем «объект интерпретируется только в рамках системы, когда заранее определен набор допустимых видов и форм представления результата» [Демьянков, 1999, с. 10]). Следует дополнительно учесть необходимость корректировки герменевтического подхода в его «классическом» варианте («Социальная детерминация при таком подходе оказывается чем-то скандальным, выходящим за рамки приличий. Обращенная к “вечным” ценностям, герменевтика вызывающе антиисторична...» [Иглтон, 2010, с. 9]) и, конечно же, специфику самого литературного текста, «провоцирующего» на подключение контекстов. В итоге возникает коммуникация, в которую вовлечены так или иначе понимаемый автор текста, сам текст как «сложный источник» смыслов, интерпретатор со своими явными и неявными намерениями, «плановый» адресат интерпретации. Поэтому сложившаяся интерпретация – это всегда особый «персональный» баланс, достигнутый при решении множества разнообразных задач не только в эстетических координатах.

Важно оценить уместность претензий интерпретатора на критическую или научную истину, поставить проблему его идеологической и общекультурной позиции. На первый план в таком случае выходят не «установки» текста (они включаются даже квалифицированным интерпретатором в новую когнитивно-коммуникативную систему), а установки самого *субъекта-интерпретатора*. Здесь значимы два локуса: *локус субъекта-интерпретатора* как позиции, с которой производится интерпретация; *локус интерпретации* как указание на когнитивное и коммуникативное пространство, в котором ее развертывает инициатор (например, священник

во время проповеди сочувственно цитирует и интерпретирует стихотворение М. Ю. Лермонтова «Молитва» или высказывание советского философа Э. Ильенкова, явно имеющие и другие трактовки). Данные локусы соотносятся с *ракурсом* интерпретации (под каким углом, в каком смысловом разрезе она производится) и с ее *фокусом* (что именно выделяет и укрупняет интерпретатор в тексте-объекте).

Теория СЯЛ / КПП дает возможность глубокого понимания процессов когнитивного взаимодействия субъектов разных типов. Программные интенции субъекта-источника воплощаются прежде всего в рамках когнитивно-прагматического уровня СЯЛ, а субъект-интерпретатор входит в состав ассоциативно-интерпретационного уровня СЯЛ. Для субъекта-источника КПП – развернутое внутреннее «задание» (а для художника более всего «самозадание»); позиции субъекта-интерпретатора вариативны.

Установив локусы интерпретатора и интерпретации, ее ракурс и фокус, мы создаем виртуальный аналог ее интеллигибельного *пространства* – и одновременно отслеживаем ее *сюжет*, что выводит нас к пониманию интерпретации как события, имеющего сюжетное развертывание в определенном пространстве, а значит, согласно лотмановской теории сюжета, возникает конституирующее понятие *рамки*. Эта рамка напрямую задана КПП интерпретатора, поскольку, в отличие от литературного сюжета, имеющего потенциал саморазвития, сюжет интерпретации, как правило, определен изначально – он чрезвычайно зависим от метапозиции интерпретатора относительно всех координат.

Дискурсивность интерпретации особенно хорошо видна в ситуациях нестандартной или несовпадающей (автора и интерпретатора) дискурсивности. Если у второго есть неприятие или непонимание реализованной в тексте КПП, возникает «программная ошибка» интерпретации, дискурсивная подмена – «минус-интерпретация». Это истолкование текста, при котором КПП субъекта-источника как основа моделирования смысла так ревизуется или подменяется с помощью КПП субъекта-интерпретатора, что *зависимость моделируемого смысла от источника становится формальной*. Разумеется, автор лишь *задает* смысл текста, а *создается* он общими усилиями, однако радикальная оппозиция этому осязаемому *заданию* – повод заподозрить «минус-интерпретацию». Причиной ее могут стать как недостаточная квалификация субъекта-интерпретатора, так и, напротив, его высокий профессионализм и / или идеологическая тенденциозность, историческая и / или культурная дистанция. «Минус-интерпретация» открыто ориентирована не на базовые «установки текста» (КПП

субъекта-источника), а на установки самого интерпретатора, использующего исследуемый текст как свободно понимаемый материал для прямо не зависящей от параметров данного текста новой когнитивно-коммуникативной системы. Квалифицированная «минус-интерпретация» методологически схожа с пародией и вольным режиссерским «римейком».

Яркий пример такой «минус-интерпретации», когда знание работает как механизм, отрицающий значимость культурного феномена, – открыто «демифологизирующая» статья выдающегося филолога А. К. Жолковского «О гении и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому)». Фигура «имплицитного автора» («М.») под пером Жолковского предстает крайне отрицательной, о чем говорит уже перечень ведущих мотивов от уродливости до изнасилования. «Беспристрастная» каталогизация поэтических мотивов и масок («инструментальная» стратегия, удобная для реализации истинных, а не заявленных целевых когнитивно-прагматических установок) на деле рождает приговор: «...союз с кровавой диктатурой как раз лишает “футуристический садизм” (даже если он практикуется исключительно в стихах) статуса литературной условности» [Жолковский, 1994, с. 265]. Дискурсивная природа данной интерпретации лежит на поверхности: исходным является отказ интерпретатора от «мифов», а на самом деле от той дискурсивной (исторической, эстетической, человеческой) реальности, в которой и возможно “распределение смыслов”, ведущее к пониманию сокрушительной творческой мощи Маяковского. Жолковский смотрит на поэта с высоты общечеловеческих истин («нормы») и «академического» знания (заявленные локусы интерпретатора и интерпретации), но создает, по сути, литературоведческую сатиру на «классового врага». И это не логика художественности (ведь многое из приведенного куда продуктивней объясняется сплавом авангардной поэтики и ультраромантического жизнотворчества / жизнестроения), но риторическая логика прокурора (в основе которой идеологизированная КПП), убежденного в безупречности локуса интерпретатора (опора на «общечеловеческие истины»), локуса интерпретации (аргумент «академического знания» и профессионального языка), ракурса интерпретации (насуточная задача развенчания «советского»), фокуса интерпретации («М.» – маньяк и террорист; поэт же, скорее, «по совместительству»). «Академизм» на деле оказывается «вычитанием» поэта из эпохи, а эпохи из поэта; политизацию культурной информации как языка символической власти никто не отменял – изменен знак.

Уточним, что разделение на «интерпретации» и «минус-интерпретации» релевантно только в ракурсе вопроса о художественной целостности; кроме того, в текстах «игрового» типа свобода интерпретаций входит в само «художественное задание».

Дискурсивная природа конкретных интерпретаций нередко становится самоочевидной со временем, когда явление, вызвавшее бурю разноречивых откликов, занимает свое место в истории культуры (см. неприятие символизма традиционной критикой). Сложнее по мотивации стойкое неприятие Чехова не заурядными литературными деятелями-современниками, а едва ли не всей «акмеистической линией», начиная с ее предшественника И. Анненского: «...выморочная, бедная душа, ошипанная маргаритка вместо души... Господи, и чьим только не был он другом <...> Всем угодил – ласковое теля... И всё это теперь об нем чирикает, вспоминает и плачет, а что же Чехов создал? Где у него хотя бы гаршинский палец ноги» [Анненский, 1979, с. 459]. «Какая невыразительная и тусклая голололомка <...> Мне, например, легче понять воронкообразный чертеж дантовской Комедии <...> чем эту мелко-паспортную галиматью <...> Чехов забирает сачком пробу из человеческой “тины”, которой никогда не бывало», – вторит Анненскому О. Мандельштам [1994, с. 414]. Настоячиво, по множеству мемуарных свидетельств, уничтожает Чехова А. Ахматова – за то, что изображал художников «бездельниками», игнорировал «героев и мучеников», «глубины» и «духовные высоты».

Доходящая до ярости коллективная «анафема» гению от других «корифеев литературы» недвусмысленно указывает, что глубинная чеховская КПП («антропологическая диагностика» жизни) подрывала в глазах акмеистов их собственную «пафосно-эстетическую» кодировку мира («тяжести недоброй», из которой художник «прекрасное создаст») и человека («главный» человек для них как раз художник – «демиургический» неоромантизм у акмеистов лишился символистской сакральности, но остался «в составе крови» как «культурная идеологема»). И, конечно же, нельзя здесь не вспомнить современный марксизм с его социально-классовой обусловленностью интерпретации – ее коллективный *ракурс* таков, что возникает ощущение: петербургские интеллектуалы, «аристократы духа», с нескрываемым презрением взирают на плохо одетого простолюдина, зачем-то топчущегося в передней храма искусства.

«Неизживаемость» множественности интерпретаций требует для развитых областей научного знания сложного и многоступенчатого движения. Мы можем, конечно, заниматься интерпретативным чтением по субъ-

ективным «правилам» (вроде бартовских «лексий»), но тогда характер и ценность результата иные. Круглый стол по искусствознанию и визуальности тому прекрасная иллюстрация: как существует «догматическая связка» «строгих» методов и отвлеченных от жизни результатов (таков объективный и неотменяемый итог постмодерной ревизии знания), точно так же существует «релятивистская связка» «актуальных практик» и «модных прочтений», верификация результатов которых нередко затруднительна. «Харибда генерализации» и «Сцилла плюрализма» снова мило улыбаются нам – уже с другой стороны.

**Теоретико-методологический комплекс СТ / СЯЛ / КПП:
адаптивность к материалу исследования**

«Системные решения» в такой ситуации, на наш взгляд, должны включать – отдельно от демонстративного культурно-политического выбора (наподобие «Есенина убили евреи-модернисты» или «Пригов – Пушкин нашей эпохи») – демонстрацию и рефлексию методологической системы без абсолютизации ее притязаний. Как нам кажется, теоретико-методологический комплекс СТ / СЯЛ / КПП содержит такой потенциал.

Уже понятие СТ представляет собой не только, на взгляд скептиков, расширение за счет контекста, но и – с необходимостью – динамизацию и социальную актуализацию определяемых смыслов: их «захват» и интерпретация исследователем производится в рабочей области, максимально приближенной к социальной реальности и учитывающей ее структурность и изменчивость. Это пограничное понятие, вызванное к жизни пониманием эвристичности как «сцилл», так и «харибд», но эвристичности разного типа. Состав и конфигурация субтекстовых зон сильно варьируют в зависимости от программной проявленности того или иного невербального «задания», «нестандартной дискурсивности» (авторский поэтический театр; «кухонный», «квартирный», «эстрадный» или «стадионный» формат; постоянные формы «творческого / жизнетворческого поведения» и пр.). Важно, что и собственно вербальные формы, воспринимающиеся как дополнительные к тексту произведения – например, высокая публицистическая и медийная активность писателя – в рамках СЯЛ / СТ приобретают вторичные значения и семиотизируются как «содержательные знаки» творческой личности в целом, т. е. в составе СТ (что не лишает их и возможности рассмотрения «отдельно»). Такова яркая «синтетическая» деятельность Д. Л. Быкова – поэта, писателя, педагога, активного публициста, «гастролирующего» лектора и медийного комментатора-актуализатора

своих многочисленных и разножанровых текстов внутри перманентного «комментария к современности»; по сути, перед нами феномен «литератора+», «литератора 2.0», аудитория которого ментально сформирована именно авторским СТ. Быков умело и остропроблемно устанавливает многоуровневое коммуницирование; его СТ активно «встроен» в культурно-политический смысловой универсум и является одним из его заметных «моторов».

В свою очередь, постмодерная дискурсивность способна и «основной» вербальный текст превращать в акционный, когда слово становится «жестом». Показательна концептуализированная словесность Д. А. Пригова, деконструирующая поэтический язык как таковой (вплоть до условности разделения на «хорошие» и «плохие» стихи), образ поэта и его «ремесло». СТ Пригова сконструирован не из традиционных субтекстов, а из их программно деконструированных версий («критика языка»), и соответственно его «инновационная» СЯЛ представляет «изнанку» логоцентризма в виде самообесмысливающихся пространств «мусорного» языка, «мусорного» ремесла и «мусорного» образа поэта. «Деклассированные» классические опоры превращают энергию поэтической («поэтической») интенциональности в бесконечно заговаривающуюся дискурсивность, оценка которой зависит от метапозиции реципиента-интерпретатора. Как с детства убежден один из авторов, нет ничего неестественнее классической оперы (естественный эффект «остранения»), которая представляет собой едва ли не самый канонический СТ, – однако, как точно знает тот же автор, нет ничего восхитительно-естественнее той же оперы, стоит дать себе увлечься ее величавой многосложной торжественностью.

Таковы лишь некоторые из возможных областей применения метадициплинарного комплекса СТ / СЯЛ / КПП, содержащего возможность органичной адаптации базовой модели к «своему» материалу – по сути, каждый раз новый «модельный образ», содержащий рефлексию собственных границ и учитывающий как преимущества, так и ограничения применяемой методологии в конкретной области знания.

Список литературы

- Анненский И.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. 679 с.
Барановская Н. Константин Кинчев. Жизнь и творчество. Стихи. Документы. Публикации. СПб.: Новый Геликон, 1993. 239 с.
Демьянков В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5–13.

Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: НЛЮ, 2001. С. 98–119.

Жолковский А. К. О гении и злодействе, о бабе и всероссийском масштабе (Прогулки по Маяковскому) // Жолковский А. К. «Блуждающие сны» и другие работы. М.: Наука, 1994. С. 247–275.

Зализняк А. А. О понятии *факт* в лингвистической семантике // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21–33.

Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Когнитивная гуманитарная семиотика. Иваново: ПресСто, 2020. Кн. 1: Теоретический очерк. 528 с.; Кн. 2: Терминология. Аналитические портреты. 256 с.

Иглтон Т. Теория литературы: Введение / Пер. Е. Бучкиной; под ред. М. Маяцкого, Д. Субботина. М.: ИД «Территория будущего», 2010. 296 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Кинчев А. Еще 30 песен. М.: АНТАО, 2002. 80 с.

Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: Биография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: CORPUS, 2011. 624 с.

Магомедова Д. М. Модели писательских биографий как литературные универсалии // Проблемы писательской биографии: К 150-летию А. П. Чехова. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 11–19.

Мазур Н. Круглый стол «Искусствознание, визуальные исследования, культурная история: возможности диалога» // Искусствознание. 2019. № 3. С. 10–37.

Мандельштам О. Э. Собр. соч.: В 4 т. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. Т. 3: Стихи и проза 1930–1937. 530 с.

Савельева И. М. Культурная история: суверенность дисциплины в век междисциплинарности // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М.: Академический Проект, 2014. С. 67–80.

Сандомирская И. На новом промежутке // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). URL: www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21129/ (дата обращения 21.10.2020).

Чеботарева Е. Э. Математические модели в гуманитарных и естественных науках: философская проблематизация // Мысль. 2014. Вып. 17. С. 73–81.

Arnold E. Tools or Toys? On Specific Challenges for Modeling and the Epistemology of Models and Computer Simulations in the Social Sciences // Paper for the Models & Simulations 4 Conference. Toronto; Stuttgart, 2010 (May).

Bruhn M. J. Introduction. Exchange Values: Poetics and Cognitive Science // *Poetics today*. 2011. Vol. 32, no. 3–4. P. 403–460.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // *Cognitive Linguistics*. 1990. No. 1–1. P. 39–74.

Neuman Y. Semiotics as an Interdisciplinary Science // *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 125–134.

Sedda F. Semiotics of Culture(s): Basic Questions and Concepts // *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 675–696.

Trifonas P. P. Apologia // *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 1–28.

Turner M. *The Literary Mind*. New York: Oxford Uni. Press, 1996. 188 p.

Turner M. The Cognitive Study of Art, Language and Literature // *Poetics Today*. 2002. № 23 (1). P. 9–20.

Zlatev J. Cognitive Semiotics // *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015. P. 1043–1067.

References

Annensky I. *Knigi otrazheniy* [Books of reflections]. Moscow, 1979, 679 p. (in Russ.)

Arnold E. Tools or Toys? On Specific Challenges for Modeling and the Epistemology of Models and Computer Simulations in the Social Sciences. In: Paper for the Models & Simulations 4 Conference. Toronto; Stuttgart, 2010 (May).

Baranovskaya N. Konstantin Kinchev. *Zhiznэ i tvorchestvo. Stikhi. Dokumenty. Publikatsii* [Konstantin Kinchev. Life and creativity. Poems. Documents. Publications]. St. Petersburg, 1993, 239 p. (in Russ.)

Bruhn M. J. Introduction. Exchange Values: Poetics and Cognitive Science. *Poetics Today*, 2011, vol. 32, no. 3–4, p. 403–460.

Chebotareva E. E. *Matematicheskie modeli v gumanitarnykh i estestvennykh naukakh: filosofskaya problematizatsiya* [Mathematical models in the humani-

ties and natural sciences: philosophical problematization] *Thought*, 2014, iss. 17, p. 73–81. (in Russ.)

Demiyanov V. Z. Interpretatsiya kak instrument i kak ob"ekt lingvistiki [Interpretation as a tool and as an object of linguistics]. *Questions of Philology*, 1999, no. 2, p. 5–13. (in Russ.)

Dubin B. V. Biografiya, reputatsiya, anketa (O formakh integratsii opyta v pis'mennoy kul'ture) [Biography, reputation, questionnaire (On the forms of integration of experience in written culture)] In: Dubin B. V. Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoy kul'tury [Word-letter-literature: Essays on the sociology of modern culture]. Moscow, 2001, p. 98–119. (in Russ.)

Iglton T. Teoriya literatury: Vvedenie [Theory of Literature: Introduction]. Trans. by E. Buchkina; ed. by M. Mayatsky, D. Subbotin. Moscow, 2010, 296 p. (in Russ.)

Ivanov D. I., Lakerbay D. L. Kognitivnaya gumanitarnaya semiotika [Cognitive humanitarian semiotics]. Ivanovo, 2020, book 1: Teoreticheskiy ocherk [Theoretical essay], 528 p.; book 2: Terminologiya. Analiticheskie portrety [Terminology. Analytical portraits], 256 p. (in Russ.)

Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow, 1987, 264 p. (in Russ.)

Kinchev A. Eshche 30 pesen [Another 30 songs]. Moscow, 2002, 80 p. (in Russ.)

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*, 1990, no. 1–1, p. 39–74.

Lekmanov O., Sverdlov M. Sergey Esenin: Biografiya [Sergey Esenin: Biography]. 2nd ed. Moscow, 2011, 624 p. (in Russ.)

Magomedova D. M. Modeli pisatel'skikh biografiy kak literaturnye universalii [Models of writer's biographies as literary universals]. In: Problemy pisatel'skoy biografii: K 150-letiyu A. P. Chekhova [Problems of writer's biography: To the 150th anniversary of A. P. Chekhov]. Moscow, 2013, p. 11–19. (in Russ.)

Mazur N. Kruglyy stol "Iskusstvoznanie, vizual'nye issledovaniya, kul'turnaya istoriya: vozmozhnosti dialoga" [Round table "Art studies, visual studies, cultural history: opportunities for dialogue"]. *Art Studies*, 2019, no. 3, p. 10–37. (in Russ.)

Mandelstam O. E. Sobranie sochineniy [Collected works]. In 4 vols. Moscow, 1994, vol. 3: Stikhi i proza 1930–1937 [Poems and prose 1930–1937], 530 p. (in Russ.)

Neuman Y. Semiotics as an Interdisciplinary Science. In: *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015, p. 125–134.

Sandomirskaya I. Na novom promezhutke [On the new interval]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2019, no. 3 (157). (in Russ.) URL: www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/157_nlo_3_2019/article/21129/ (accessed: 21.10.2020)

Savelieva I. M. Kul'turnaya istoriya: suverennost' distsipliny v vek mezhdistsiplinarnosti [Cultural history: the sovereignty of discipline in the age of interdisciplinary]. In: "Steny i mosty" – II: mezhdistsiplinarnye i polidistsiplinarnye issledovaniya v istorii. ["Walls and Bridges" – II: interdisciplinary and multidisciplinary studies in history]. Moscow, 2014, p. 67–80. (in Russ.)

Sedda F. Semiotics of Culture(s): Basic Questions and Concepts. In: *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015, p. 675–696.

Trifonas P. P. Apologia. In: *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015, p. 1–28.

Turner M. *The Literary Mind*. New York, Oxford Uni. Press, 1996, 188 p.

Turner M. The Cognitive Study of Art, Language and Literature. *Poetics Today*, 2002, no. 23 (1), p. 9–20.

Zaliznyak A. A. O ponyatii *fakt* v lingvisticheskoy semantike [On the concept of *fact* in linguistic semantics]. In: *Logicheskiy analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of language: Inconsistency and anomaly of the text]. Moscow, 1990, p. 21–33. (in Russ.)

Zlatev J. Cognitive Semiotics. In: *International Handbook of Semiotic*. Ed. by P. P. Trifonas. Springer Science + Business Media Dordrecht, 2015, p. 1043–1067.

Zholkovsky A. K. O genii i zlodeystve, o babe i vserossiyskom masshtabe (Progulki po Mayakovskomu) [O genii i villainy, o baba i vserossiyskom scale (Strolls along Mayakovsky)] In: Zholkovskiy A. K. "Bluzhdayushchie sny" i drugie Raboty ["Wandering dreams" and other works]. Moscow, 1994, p. 247–275. (in Russ.)

Сведения об авторах

Иванов Дмитрий Игоревич, кандидат филологических наук, доцент, профессор Института русского языка Сианьского университета иностранных языков (Сиань, КНР)

Ivan610@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1492-0049
SPIN-код 6225-8507
AuthorID 661227

Лакербай Дмитрий Леонидович, кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета (Иваново, Россия)

lakomotion@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3826-0409
SPIN-код 1674-9011
AuthorID 216414

Information about the Authors

Dmitry I. Ivanov, PhD in Philology, Associate Professor, Professor of the Institute of Russian studies Xian International Studies University (Xian, PRC)

Ivan610@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1492-0049
SPIN-код 6225-8507
AuthorID 661227

Dmitry L. Lakerbai, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Philology Institute of Humanities Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)

lakomotion@yandex.ru
ORCID 0000-0003-3826-0409
SPIN-код 1674-9011
AuthorID 216414